Е.Л. ТИХОНОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА СЕМЕЙСКИХ: ВЗГЛЯД НА СВОЁ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Русское старообрядчество – феноменальное явление не только в истории России, но и в мировой истории. Проблема самосохранения всегда стояла перед старообрядцами. И русские старообрядцы, как отмечает И.В. Поздеева, «сумели сохранить себя в постоянно изменяющейся окружающей их действительности, найти, или скорее, построить свою неповторимую экологическую нишу» (1). Подобная «экологическая ниша», создаваемая прежде всего многочисленными запретами и строгими ограничениями, способствовала сохранению и отеческой древлеправославной веры, и традиционного бытового уклада жизни, и традиционного фольклора старообрядцев, в котором сконцентрирован нравственный, духовный и исторический опыт народа.

Анализ устных народных рассказов семейских о своём прошлом и настоящем позволяет выявить систему ценностных координат прежних старообрядцев – это древлеправославие, труд, семья. Ориентируясь на дониконовские церковные традиции своих предков, ставя во главу угла труд и семейные ценности, старообрядцы Забайкалья долгое время сохраняли основные элементы базовой русской православной культуры.

В среде старообрядцев-семейских особенно свято сохранялись ценности духовного, религиозного характера. Религия являлась для них главным жизненным ориентиром, давала старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. Именно поэтому в рассказах старообрядцев о прошлом содержатся мотивы, обусловленные религиозной историей старообрядчества, такие, как раскол веры, приверженность старым обрядам и обычаям, гонения на старообрядцев и некоторые другие.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-04-00357а

Задавая вопросы семейским по поводу жизни их далёких и недалёких предков, мы, к сожалению, очень часто слышали в ответ, что, мол, мы этим в молодости не интересовались, не до того было, много работали и т.д. Однако этнически важная информация, в том числе содержащая указание на систему ценностей субэтнической общности, в устной традиции сохранилась и дошла до современных старообрядцев. К такой информации мы можем отнести всё, что касается религии/древлеправославия. Именно религия регламентировала всю жизнь старообрядческого села. Соблюдение религиозных норм отражалось и на фольклорной традиции старообрядцев-семейских.

Потомки прежних старообрядцев рассказывают, что, отправляясь в Сибирь, в ссылку или «добровольно» переселяясь, старообрядцы в первую очередь везли с собой старинные иконы и «непереписанные» книги – атрибуты древлеправославного культа, позволявшие отправлять религиозные обряды.

– А что семейские везли с собой в ссылку? (Соб.)

– По рассказам... Мы не интересовались сильно. До этого молодые были, нам не интересно было. А после уже не стало у нас отцов. Вот старообрядцы оттуда иконы вот уносили. Есть иконы лет-то шессот-больше. Уносили. И на себе вот несли, везли их сюда (ПМА 1).

Рассказывая о переселении семейских на новое место жительства, информант сообщила: «Деревня (Ягодное. – *Е.Т.*) заселилась в 1925 г. Из Тарбагатая, из Кордона шли. Везли сундуки, детей и иконы» (ПМА 2). Последняя фраза очень показательна с точки зрения обозначения приоритетов в жизни старообрядцев: это всё те же древлеправославие (*иконы*), труд (*сундуки*, в них перевозились плоды труда) и семья (*дети*).

Основной ценностью, материальной и духовной, для старообрядцев были иконы и богослужебные книги как знак, как символ их веры и их страдания за веру. Благодаря этому старообрядцы-семейские до наших дней сохранили многие старинные иконы, древние книги и рукописные источники религиозного содержания. Поэтому люди, которые в 30-е годы прошлого столетия принимали участие в разорении церквей, истреблении икон, богослужебных книг подвергались основной частью старообрядцев строгому осуждению, сначала тайному (по понятным причи-

нам), а сегодня и явному. Отвечая на наш вопрос о сохранении семейскими древлеправославия, информант неожиданно перевела разговор именно в это русло:

– Притесняли семейских. Но вот сохранили же веру? (Соб.)

– Но сохранили, конечно. Иконы, бывало, с избы вытаскивали, выбрасывали. Которы даже с икон делали собакам гнёзда. Разве можно это? Делали, у нас старики делали. Так оне усе пропали.

– А почему старики-то делали? (Соб.)

– Так вот, таки были, не верили, что Бог есть. И у бани ставенки делали. Вот, с тридцать седьмого года вот эти старики оставались. И церкви разоряли, усё.

– А что им за это было? (Соб.)

– Ну, почти нишши стали, больные. Всех потянуло их (ПМА 3).

Информация о том, что некоторые старообрядцы делали из старинных икон собакам будки (*гнёзда*) очень нас удивила, на что информант дала подтверждение – «Делали, у нас старики делали... И у бани ставенки делали».

В 20-30-е годы XX в. молодёжь активно начала отходить от религии, вполне искренне считая её заблуждением отцов и дедов, и принимала активное участие в разорении церквей и уничтожении церковной утвари. В фольклорной прозе старообрядцев, повествующей об этих событиях, традиционными являются мотивы разорения церквей (*церкви разоряли*) и неизбежно следующего за этим наказания (*все «пропали»/стали больными, нищими*).

Однако зафиксированы и другие рассказы, повествующие о том, как старообрядцы избавлялись от икон и богослужебных книг (а по существу сохраняли их). В семейском с. Ягодное информант М.П. Черных рассказала нам о том, что в семье её родителей были старинные старообрядческие книги. После смерти матери (это было ещё в советские времена) Мария Петровна положила эти книги к ней в гроб. Объяснила информант это тем, что в то время божественные книги были молодым не нужны, в том числе и ей, так как она не умела по ним читать. И чтобы эти книги не осквернили, она положила их в гроб матери. Мария Петровна сообщила и другой интересный факт. После смерти стариков их родственники, люди в то время (советское) не очень верующие, поступали со старинными иконами следующим образом: они уносили иконы высоко в горы и опускали их в расще-

лины скал. Делалось это также с целью сохранить святость икон, не дать возможности кому-либо осквернить их (ПМА 2).

Современные старообрядцы осознают, что во времена раскола и в дальнейшем их предки принятию «другой веры», то есть новых церковных канонов, предпочли страдания «за веру Христову», дальний путь в неизведанные края. Причём следует отметить, что старообрядцами традиционное православие осмысливается именно как *другая* (читай – чужая) вера, противопоставленная *своей*, *Христовой*:

– Ссылали их за веру Христову. Там вера другая стала, а это, за веру... сюда отправляли (ПМА 4).

– А за что ссылали? (Соб.)

– За веру, наверно. Крестятся православные тремя перстами, а наши двумя, полагается, крестятся. Вера, вера. За это и ссылали. Раскол был какой-то в этом, в православии. Поэтому вот. Когда это было! Давно! (ПМА 5).

В рассказах старообрядцев, содержащих мотив раскола, явно прослеживаются оппозиции «своё – чужое», «старое – новое», функционирующие в рамках сюжетно-тематического цикла «раньше – теперь». Положительная оценочность рассказчиков направлена на «своё/старое», на соблюдение религиозных и бытовых традиций своих предков. Во всём цикле рассказов старообрядцев оппозиции «своё – чужое», «старое – новое» выходят на новый уровень противостояния – «старообрядчество – новообрядчество». В фольклорных текстах эта оппозиция проявляется на уровне соблюдения/несоблюдения религиозных, а также морально-этических норм, установленных далёкими предками: старообрядцы соблюдают/соблюдали раньше – новообрядцы не соблюдают. Известно, например, что у некоторых старообрядческих согласий (например, бегунское согласие) довольно долго существовал запрет не только на съёмку в кино или на телевидении, но и на фотографирование. Ортодоксальные старообрядцы не фотографировались даже на паспорт, так как считалось, что запечатлённым для лицезрения мог быть только Лик Господень (ПМА 6).

Показателен в этом отношении следующий диалог:

– У нас, у семейских, совсем по-другому. У нас щас, если ты Богу молишься, ты ни в телевизоре не должен сниматься, ни петь, ни плясать.

– И до сих пор так? (Соб.)

– А таперь-то всё перепуталось.

– Но петь-плясать нельзя было? (Соб.)

– Да, очень строго. А сейчас, я посмотрю, Алексий-то наш, он иде хошь у етом он снимается везде, усё.

– А ваш старообрядческий митрополит Александр, он нигде не снимается? (Соб.)

– Но-о-о, ты чё! (ПМА 7).

Постепенно происходящая трансформация официальной православной церкви в сторону её обмирщения, отход от единого церковного канона вызывают неодобрение современных сторонников древнего православия.

Но и отход самих старообрядцев от религиозных традиций также признаётся ими и также подвергается порицанию. Например, рассказывая о своём многолетнем участии в фольклорном ансамбле «Рябинушка» (с. Ягодное), Улита Григорьевна Сычева не преминула отметить: «Батюшка не разрешает петь, и телевизор не разрешает. Нам надо такие, божественные, молитвы» (ПМА 8).

Декларируя в своих рассказах религиозные и бытовые установки, нормы поведения, современные старообрядцы постоянно указывают на то, что раньше всё было намного строже, а значит, упорядоченнее, что после революции многие религиозно-бытовые запреты стали нарушаться и жизнь от этого становилась греховной, а посему непонятной и бессмысленной. Рассказывая о том, какие усилия прилагали «деды наших дедов» при освоении новых земель за Байкалом, информант делает ремарку: «А теперь вот как стало – хлебом кормят, хоть и не работаем». С традиционной точки зрения, нарушена логика, жизненный принцип «Кто не работает, тот не ест». И далее информант продолжает: «Раньше говорили, что было писано, что в восьмой тысяче лет люди будут детей пожирать. А мы думали: ,,Как это – пожирать детей?“ А вот теперь пожирают. Один-два, да и запечатывают, аборты делают, безбожники! А раньше-то грех какой был!» (ПМ 9). Несмотря на объективные, часто положительные изменения в жизни старообрядцев, в их мировосприятии явно ощущается ориентированность на традиции прошлого, порицание современного «греховного» образа жизни.

Старообрядческие религиозные нормы от поколения к поко-

лению передавались закреплёнными в знаковых/символических формах, определяющих в том числе и внешний вид человека, и способ его поведения. Хорошо известно, например, что мужчины-старообрядцы не брили бороды, и борода стала одним из знаков/символов неприятия старообрядцами нововведений не только в религии, но и в быту, который опять-таки регламентировался религиозными нормами. Символы в народной, и в том числе в религиозной культуре настолько значимы, что в фольклорном тексте отказ брить бороду отождествляется со старообрядческим вероисповеданием: в Сибирь ссылают не за саму веру, а за нежелание брить бороду:

– Нас, семейских, семьями выгнали оттуда (из Польши. – *Е.Т.*), вот семейские так и называются. Почему? Потому что дед, бабка, сыновья: бороду не хошь брить – марш в Сибирь, там тебе!

– А почему деды бороды брить не хотели? (Собр.)

– А поверие такое. Вера Божия (ПМ 10).

В бритье бороды старообрядцы видели отход от религиозных и морально-этических традиций своих предков. Вот что об этом нам рассказали в с. Хасурта:

– Обязательной принадлежностью каждого мужчины была борода. Уставщики говорили, что Бог на иконах изображён с бородой, а человек – это подобие Божие, поэтому что Бог дал, то и должно быть, естественно. Поэтому все носили бороду. И даже когда служили в армии (сбривали бороды) и приезжали домой – пока не отрастала борода, в переднем углу, под иконами, кушать не садились, ели за печкой где-то. Вот такая строгость была (ПМА 11).

С точки зрения соблюдения старообрядцами религиозно-этических норм интересен рассказ о том, как раньше ходили в старообрядческую церковь (а церковь, как и любой другой храм в любой другой религии, является главным знаком/символом веры):

– А здесь же тоже была церковь (в Б. Куналее. – *Е.Т.*)? (Соб.)

– Была, здесь вот.

– Она была старообрядческая? (Соб.)

– Старообрядческая. Ешо маленькие были, такие небольшие, подростки, семейскую одёжу одевали, сарахван и бабы у кичках, ходили у церковь. А нам такую бумажку заворачивали, большую шаль надевали нам. Шибко красиво! Нравилось. У церкви было

чисто. Туда в туалет ходить, там туалет был во дворе. Туда пойдёшь. Потом оттуда идешь – умывальник, полотенце висит, после туалета руки помоешь, обмокнёшь. И потом, это, молишься (ПМА 7).

Подобное поведение: облачение в праздничную семейскую одежду, мытьё рук перед входом в церковь – показывает трепетное отношение старообрядцев-семейских к своей церкви как главному знаку/символу древлеправославия.

Итак, для старообрядцев Забайкалья (семейских) основным культурным концептом, духовной константой долгое время являлось древлеправославие. Религиозно-духовное начало старообрядцев не могло не отразиться на их фольклоре как форме сознания и форме отражения специфических черт менталитета народа. В фольклорной традиции старообрядцев-семейских наблюдается стремление сохранить древнерусские корни. «Базовым, основным для мировосприятия старообрядцев, – пишет по этому поводу исследовательница народной культуры сибиряков Р.П. Матвеева, – была приверженность старине. Культура старообрядцев тщательно сохраняла связь с духовно-культурным наследием Древней Руси, с многовековыми народными культурными традициями» (2). И поддерживать эту связь помогало строгое следование древлеправославным канонам, которые фиксировались и передавались от поколения к поколению в идеализированном виде в том числе и в фольклорных формах. В то же время современные старообрядцы в своих рассказах как негативный момент отмечают начавшийся после революции процесс разрушения традиционного уклада жизни, этноконфессиональных стереотипов поведения членов старообрядческой общины. Таким образом, рассказы старообрядцев Бурятии о своём прошлом с реминисцентными оценочными высказываниями о своём настоящем функционируют в фольклорной системе как способ идеализации «праведного» прошлого и порицания «греховного» настоящего.

СПИОК СОКРАЩЕНИЙ

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в

с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на Республики Бурятия (далее – РБ) в июле 2001 г. Информант: Лобозеров П.Т., 1925 г.р.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Ягодное Селенгинского р-на РБ в июне 2009 г. Информант: Черных М.П., 1930 г.р.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информант: Филиппова П.А., 1929 г.р.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Десятниково Тарбагатайского р-на РБ в декабре 1998 г. Информант: Чистякова А.П., 1916 г.р.

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в июле 2001 г. Информант: Сучков С.П., 1934 г.р.

ПМА 6 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информация получена от Шевченко З.Н, 1930 г.р., которая сама никогда не фотографировалась и поэтому не имеет паспорта и одна из последних на селе постоянно носит семейскую одежду.

ПМА 7 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в июле 2001 г. Информант: Мясникова А.Е., 1926 г.р.

ПМА 8 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Ягодное Селенгинского р-на РБ в июне 2009 г. Информант: Сычева У.Г., 1935 г.р.

ПМ 9 – Полевые материалы Потаниной Р.П., Гавриловой Р.А. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в апреле 1971 г. Информант: Сластина С.А., 1898 г.р.

ПМ 10 – Полевые материалы Кушнарёвой Л.Л., Жарниковой Н.В. Фольклорная экспедиция в с. Бичура Бичурского р-на РБ в июле 2003 г. Информант: Ястреб Г.А., 1929 г.р.

ПМА 11 – Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информант: Иванов В.Ф., 1966 г.р.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поздеева И.В. Традиции и новации в истории, культуре и жизни русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007. С.13.

2. Матвеева Р.П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). Улан-Удэ, 2005. С.48.